

ДИССЕРТАЦИОННЫЕ СОВЕТЫ ГЛАЗАМИ ВЕТЕРАНОВ

Химический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

Редакция ежегодника обратилась к нескольким профессорам Химического факультета МГУ с просьбой ответить на вопросы, касающиеся деятельности диссертационных советов, действующей системы защиты диссертаций и возможным направлениям её совершенствования. Получены интервью от шести профессоров, стаж работы которых в диссертационных советах исчисляется несколькими десятилетиями. Существенно, что все шестеро респондентов – учёные с мировым именем, высокие профессионалы в своей области науки и одновременно активные и неравнодушные члены диссертационных советов.

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ Б.М. БУЛЫЧЕВЫМ

Борис Михайлович, не могли бы Вы приблизительно оценить число диссертаций, в экспертизе которых как член совета Вы принимали участие за почти полувековой период?

Количество диссертаций? В совете Е.М. Соколовской с 1980 по 1995 год каждый месяц было от 6 до 8 защит. Множим на 7 месяцев, т. е. около 40 защит в учебный год. В совете Б.А. Поповкина и затем у меня, т. е. с 1995 по 2018 год, уже меньше, как минимум, вдвое, т. е. не более 15–20 защит в год. После объединения в 2019 году совета неоргаников с ФНМ-щиками (факультет наук о материалах) совсем мало 5–7 защит за два года. В спецсовете Химфака с 1976 по 1990 гг. (далее он не работал) всего около 20 защит. Суммарно за период моих заседаний на химфаковских советах в течение 40 лет кошмарная цифра. Помимо этого, в течение 10 лет я был членом диссовета Института им. Карпова. Там за это время при моём участии было не более 30 защит.

И в МХТИ им. Менделеева в спецсовете тоже около 10 лет, но не более 15 защит.

Какую оценку по пятибалльной системе Вы можете поставить среднестатистической кандидатской диссертации? Сколько примерно диссертаций было отклонено советом?

Средняя оценка работ на Химфаке явно больше 4, и с уверенностью могу сказать, что большая их часть была заметно лучше работ, которые я слушал в других советах. При этом я не помню, чтобы какая-то работа у нас на совете была отклонена. Единственный пример – докторская диссертация В.В. Уточниковой, но она была отклонена в МГУ-шном ВАКе и совершенно не по делу.

Существенны ли отличия между диссертациями, защищаемыми на Химическом факультете и на факультете наук о материалах?

Небольшие различия между диссертациями с Химфака и с ФНМ существовали только в первые годы становления ФНМ. Под жестким руководством академика Ю.Д. Третьякова они были заметно сильнее. Но потом это всё сгладилось, а сейчас они не различимы по качеству и объёму, но всё равно, в целом, работы из недр обоих факультетов остаются более сильными, чем во многих академических институтах и других университетах.

Как Вы относитесь к довольно-таки широко распространённой точке зрения: защита кандидатской диссертации – формальный акт, содержательное обсуждение и дискуссии должны происходить на предзащите?

То, что требует от нас Минобр – считать аспирантуру продолжением обучения, а защиту формальным актом, подтверждающим квалификацию – полнейшее безобразие. Но это совковая позиция, в которой я вырос, она не учитывает демократических принципов потребления, к которым мы должны готовить кадры. Считал и буду до конца моих дней считать, что защита диссертационной работы – это и квалификация, и новые научные и прикладные результаты, и обучение диссертанта, но и в не меньшей степени обучение членов диссовета, которые

также должны поддерживать свою квалификацию, чтобы профессионально судить других. А то, что у нас не было отклонённых диссертаций, то это качественная работа кафедр, т. е. проведение предзащит, часто очень нелицеприятных, но справедливых. Кроме того, правильно сделал ВАК, внедрив обязательный предварительный анализ работы квалификационными комиссиями.

Согласны ли Вы с пессимистическим суждением о том, что аспирантская тема, которая должна быть обязательно выполнена и выполнена за относительно короткий срок, не может содержать существенной новизны? А ведь наука в МГУ и других вузах делается, в значительной мере, руками аспирантов.

Идиотов достаточно везде. И особенно их много у отечественных гуманитариев и полугуманитариев с бывших кафедр истории КПСС и их наследников, которые долдонили нам о «вечно живом учении» и которые мало, а может и совсем не понимают, что такое наука и научный поиск. Дисработа естественника без научной новизны, как брачная ночь импотента. Другое дело, что давать совершенно новую тему аспиранту надо далеко не всегда, и правильно, и возможно. Даже РФФИ и РФН при подаче гранта требуют показать научный задел по теме проекта, чтобы хотя бы в минимальной степени быть уверенным, что деньги не канут в ничто. Мой опыт в этом отношении печальный. Все мои скороспелые и не проверенные идеи, которые я спускал аспирантам, оказывались не совсем..., но по нескольким причинам: по моей вине – идея завиральная или из-за невозможности организовать работу на соответствующем оборудовании, по вине аспиранта – загулял или оказался без рук или без головы.

Нуждается ли, по Вашему мнению, в совершенствовании процедура защит диссертаций?

Тюремный режим с фиксацией движения членов диссовета – унижен и ничего не даёт. По крайней мере, для естественников. Проблема возникала на поле гуманитариев из клана балаболов – юристов и экономистов. Там и надо было вводить этот режим. Во введении каких-либо других изменений в части защит кандидатских диссертаций

причин не вижу. Что касается докторских, то их либо надо вообще отменять, либо проводить защиты по совокупности. Любая докторская защита – это год-два потраченного времени в самый плодотворный период учёного.

Во многих действующих диссертационных советах представлено несколько не близких друг к другу специальностей (пример: нефтехимия, медицинская химия, экология). Влияет ли, с Вашей точки зрения, такая широта на качество аттестации диссертантов? Каким, по Вашему мнению, должен быть набор специальностей в диссодвете?

Запрячь «коня и трепетную лань» в одну повозку можно, но вряд ли это будет полезно для них и для возницы. Я не понимаю, что такое медицинская химия и металлоорганическая химия и чем их части отличаются от органической химии, от биоорганической и от координационной. Не вижу специфики в нефтехимии, принципиальных различий в неорганической, координационной и химии твёрдого тела. И в их случае диссоветы, безусловно, могут быть объединены и укомплектованы правильными и хорошими специалистами. Это надуманное деление химической науки под академиков. В то же время возникают специфические направления, которых нет в списке научных специальностей. Например, всё, что связано с материалами, в том числе и с такими ныне остро звучащими композиционными материалами, которые сегодня фигурируют только как технические науки. Поэтому в таких вузах, как МГУ, желательно хотя бы раз в 10 лет пересматривать список специальностей, вводить новые, исключать себя изжившие, хотя последнее вряд ли будет возможно. Они должны умирать сами, как невостребованные. Однако сокращение числа советов тоже считаю совершенно неприемлемым.

Каково Ваше отношение к передаче функций ВАКа вузам и НИИ?

Совершенно отрицательное. Это можно как-то оправдать по отношению к крупным вузам, которые могут самостоятельно формировать советы из своих и достаточно квалифицированных кадров. Но мне трудно представить совет небольшого института или регионального

университета, который смог бы это сделать. Ни к чему хорошему это не приведёт, особенно в случае гуманитарных специальностей с их неистребимой тягой к фальсификации и плагиату. И эту тенденцию считаю очередным шагом в разрушении ткани науки.

Как Вы относитесь к системе защиты диссертаций, принятой в СПбГУ и во многих зарубежных странах, когда нет постоянно действующих диссертационных советов, а под каждую диссертацию отдельно создаётся небольшое жюри, включающее 6-7 специалистов по данной работе?

Также отрицательно отношусь и к новациям защит с участием некоего жюри. Я уже писал, что защита – это не экзамен, а учёба как защищающегося, так и нападающего, как диссертанта, так и члена совета.

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ А.Х. ВОРОБЬЁВЫМ

Андрей Харлампьевич, не могли бы Вы приблизительно оценить число диссертаций, в экспертизе которых как член совета Вы принимали участие за 30-летний период?

Более 100.

Какую оценку по пятибалльной системе Вы можете поставить среднестатистической кандидатской диссертации? Сколько примерно диссертаций было отклонено советом?

Средняя оценка – 4. Отклонены было считанные единицы.

Существенны ли отличия между диссертациями, защищаемыми на Химическом факультете и в Институте проблем химической физики РАН?

Разница заметна, хотя и не драматична: в ИПХФ РАН более широк разброс по качеству диссертаций и уровню диссертантов, менее содержательны и напряжённые дискуссии, больше славословий для «своих» защищающихся.

Как Вы относитесь к довольно-таки широко распространённой точке зрения: защита кандидатской диссертации – формальный акт, содержательное обсуждение и дискуссии должны происходить на презащите?

Я согласен с высказыванием, что плодотворная с научной точки зрения дискуссия, по существу, невозможна в ходе защиты диссертации на совете. С другой стороны, совет, также как ОТК на производстве, должен выполнять функцию контроля качества подготовки кадров высокой квалификации, т. е. цель дискуссии на совете – не решение научных проблем, а выявление подготовленности, уровня и научной добросовестности диссертанта. Таким образом, защита превращается в формальный акт в благополучном случае, когда диссертант и диссертация удовлетворяют всем критериям. И так же, как технический контроль на производстве, совет должен предотвратить выпуск брака. Само наличие независимого технического контроля отсекает большую часть брака, который был бы выпущен при его отсутствии.

Согласны ли Вы с пессимистическим суждением о том, что аспирантская тема, которая должна быть обязательно выполнена и выполнена за относительно короткий срок, не может содержать существенной новизны? А ведь наука в МГУ и других вузах делается, в значительной мере, руками аспирантов.

Нет, с приведенной точкой зрения я не согласен. Я против формализации аспирантуры (необходимости послушать какие-то курсы лекций и сдать экзамены по ним, обязательности защиты и т. д.). Под специалистом высокой квалификации в науке я понимаю не знакомство с дополнительными разделами учебников и не овладение дополнительными навыками в работе, а способность получать новые знания – разрабатывать новые методики, проводить нетривиальные, не рутинные эксперименты, генерировать новые объяснения и идеи. Таким образом, с моей точки зрения, новизна в диссертации необходима.

Нуждается ли, по Вашему мнению, в совершенствовании процедура защит диссертаций?

Процедура защиты диссертации, конечно, может и должна совершенствоваться. Очевидным направлением совершенствования является учёт меняющегося мира вокруг: переход на электронное делопроизводство, широкая публикация в электронной форме автореферата и диссертации, привлечение к защите зарубежных специалистов,

возможно, исключение требования отзыва оппонировавшей организации. Я не продумывал возможные и желательные изменения, это требует специальных размышлений.

Во многих действующих диссертационных советах представлено несколько не близких друг к другу специальностей (пример: нефтехимия, медицинская химия, экология). Влияет ли, с Вашей точки зрения, такая широта на качество аттестации диссертантов? Каким, по Вашему мнению, должен быть набор специальностей в диссодвете?

Это – вопрос компромисса, который нельзя решить в общем виде. С одной стороны, защита не должны превращаться в «междусобойчик» небольшого числа узких специалистов, которые вырабатывают свои отдельные критерии и требования. С другой стороны, члены совета должны быть достаточно хорошо знакомы с мировым уровнем работ по теме диссертации, иначе они не могут объективно её оценить и будут действовать под влиянием диссертанта, оппонентов или других членов совета.

Каково Ваше отношение к передаче функций ВАКа вузам и НИИ?

Отрицательное. Система присуждения научных степеней учебными и научными учреждениями удовлетворительно работает в условиях открытости, международной конкуренции и функционирующей системы репутаций таких учреждений. Для такой системы необходимы органы самоуправления учреждением, которые заинтересованы в такой репутации и имеют достаточные властные полномочия. Когда такого органа нет или организационные, финансовые, кадровые и т. д. вопросы находятся вне его компетенции, диссертационный совет попадает в полную зависимость от произвола администрации и не может выполнять контрольную функцию.

Как Вы относитесь к системе защиты диссертаций, принятой в СПбГУ и во многих зарубежных странах, когда нет постоянно действующих диссертационных советов, а под каждую диссертацию отдельно создается небольшое жюри, включающее 6-7 специалистов по данной работе?

Я отношусь к этой системе как вредной для нашей страны в настоящее время. Описанная система не так сильно, как это кажется на первый взгляд, отличается от действующей у нас сейчас. Действительно, в ходе защиты диссертации в совете главными действующими лицами оказываются те же 6-7 его членов, поскольку они специалисты в наиболее близкой области. За рубежом приглашённые члены временного жюри участвуют в нескольких заседаниях с различным составом жюри и, таким образом, вырабатывают общие для всего сообщества критерии. Вопрос репутации члена жюри и организации, присуждающей степень, при этом становится определяющим. В нашей стране более узкий состав жюри, особенно в отсутствии контроля ВАК или научной общественности и при выборе состава жюри административными органами, является прямым путём к нарушениям и полной дискредитации присуждаемых званий. Эта болезнь, как хорошо известно, процветает даже в действующей, более жёстко контролируемой, системе аттестации.

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ Д.А. ЛЕМЕНОВСКИМ

Дмитрий Анатольевич, Вы хорошо известны не только как высокопрофессиональный химик-органик, но и как активный член диссертационных советов в МГУ и ИНЭОСе. Не могли бы Вы приблизительно оценить число диссертаций, в экспертизе которых как член совета Вы принимали участие за почти сорокалетний период?

Популярные и престижные диссертационные советы продуктивно работают приблизительно 8 месяцев в году. Остальное время – отпуска, праздники и всякие «каникулы». Их стандартная нагрузка составляет около 3-х защит в течение двух месяцев и лишь иногда немного больше. Поэтому как член двух диссертационных советов (МГУ и ИНЭОС РАН) за последние двадцать лет я принимал участие в экспертизе приблизительно двухсот пятидесяти диссертационных работ. Естественно, диссертации на этих советах без всякого исключения проходят очень тщательный предварительный «входной» контроль. Поэтому никаких накладок обычно не бывает. Мелкие, но реальные осложнения возникают не чаще одного раза в году. А что-нибудь более

серьёзное – примерно один раз в пять лет, причём половина таких осложнений обычно порождается тянущимся конфликтом интересов. В конце концов, положительное решение возникших серьёзных проблем находится, но это затягивается, как правило, на год-полтора. Однако сказанное не означает, что проблем нет. Как и раньше, так и теперь практически все проблемы выявляются в подготовительном периоде. Но с годами проблемы становятся ярче, объёмнее и труднее изживаемыми. Это связано с массовым снижением средней академической подготовленности не только соискателя, но и его руководителя. Резко вырос набор используемых в ходе исследований физико-химических методов, проводимых коллабораторами. Некоторые диссертационные работы оказываются просто утопленными в этих данных. А интеллектуальная подготовленность и руководителей (особенно молодых) и диссертантов отстаёт. Жизнь показывает, что очень многие требования, предъявляемые к молодым и в науке, и в обществе, и в быту, воспринимаются ими сегодня как желательные, но не как обязательные. Бывает очень непросто убедить и руководителя, и диссертанта довести представляемый материал до уровня диссертационного текста, пригодного для восприятия.

Какую оценку по пятибалльной системе Вы можете поставить среднестатистической кандидатской диссертации? Сколько примерно диссертаций было отклонено советом?

За год в каждом диссертационном совете на безусловную пятерку «тянет» 1-2 работы. Подавляющее большинство работ заслуживает очень добротной четверки, 2-3 работы на этом фоне можно оценить как удовлетворительные, но повышения их уровня не требуется и откладывать такие защиты не рационально, потому что положительный научный результат достигнут и в них. Незачем заниматься улучшением того, что сегодня не может быть улучшено ни по форме, ни по содержанию. Надо признать результат положительным и двигаться в исследовании вперёд.

Существенны ли отличия между диссертациями, защищаемыми на Химическом факультете и в ИНЭОСе?

Особой разницы между диссертациями, защищаемыми в МГУ и академических институтах, не обнаруживается. Магистральные изменения содержания состоят в том, что отчётливо и быстро нарастает прикладной аспект работы. Сейчас самое «модное» прикладное содержание, например в химии – это тестирование полученных объектов на биологическую активность. Конечно, имеется много и других направлений прикладного тестирования. Плохо, когда объём такого тестирования (причём на момент защиты, в основном, без конечных результатов) начинает перекрывать ключевой материал диссертации, который и сам не очень глубок в рамках той специализации, по которой защищается диссертация. Сейчас мы наблюдаем быстрое сокращение числа диссертаций, а значит, и исследований, имеющих целью решение фундаментальных проблем. В целом это понятно. Уже есть добротные и многочисленные достижения, так давайте превращать их в прямые потребительские продукты и деньги. Это печально, но не потому, что сейчас стало слишком распространённым явлением. Ситуация напоминает маятник: он ушёл в одну сторону, затем пойдёт в другую. В нашем случае это не физический маятник. В одну сторону он движется легко, всасывая в себя уже имеющиеся достижения и энергию очень многих сегодняшних (среднего уровня) исследователей. А его движение в другую сторону обойдётся нам всем много-много дороже. Исчезает критическая масса глубоко образованных и креативных исследователей.

Как вы относитесь к довольно-таки распространённой точке зрения: защита кандидатской диссертации – формальный акт, содержательное обсуждение в дискуссии должны проходить на защите.

Сейчас выступление соискателя на защите представляет собой полноценный научный доклад, причём всегда по новому материалу. Такой доклад эквивалентен докладу на хорошей конференции и при этом происходит в профессионально квалифицированной аудитории. Правда, при защите этот доклад и сама «конференция» получаются как бы принудительными. Ну и слава богу. Задача расширения кругозора, как у членов диссертационных советов, так и у самих диссертантов, их

руководителей, коллег по работе и тематике, а также у всех, кто хоть коротко ознакомился с авторефератом, решается положительно. Лично я могу констатировать, что примерно каждый пятый диссертационный автореферат в рамках тех советов, в которых я участвую, привлекает моё внимание, положительное или отрицательное.

Так или иначе, перед нашим научным сообществом (национальным сообществом) стоит и сохраняется задача повышения уровня научных исследований. И эта задача стоит не перед каждым из нас отдельно, а именно перед сообществом. Сохранение процедуры публичной защиты диссертации на **высококвалифицированных** советах (а их у нас порядка 30 %), по моему мнению, реально работает на повышение их качества и публично демонстрирует требуемый уровень научных работ. Я полагаю, что эта моя позиция по отношению к публичным защитам однозначно понятна.

В качестве лирического отступления считаю для себя обязательным высказаться по поводу активно пропагандируемых позиций, которые, по моему убеждению, во-первых, ошибочны, а во-вторых, при жёстком их выполнении просто вредны.

1. Историческое требование, чтобы все быстро перешли на подготовку и публикацию материалов своих исследований на уровне журналов Q1, безусловно, не будет выполнено по вполне объективным причинам. А требование выполнения этого требования со стороны бюрократических инстанций – это покушение на ликвидацию отечественных научных журналов. Мы много что ликвидировали в нашей стране – систему мелиорации, вырезвателей, а теперь всё это, оказывается, надо восстанавливать.

2. Всеобщая **неконтролируемая** компьютеризация и формализация всего очень нравится всем нашим управляющим структурам. Мы все это хорошо знаем, например, в быту или в ГИБДД и т. д. Человек быстро исчезает отовсюду. Вы не можете никому дозвониться и ничего никому объяснить. От организации вы получаете бесчувственные бесчеловечные ответы, если вообще их получаете. В науке это путь к разобщению, дроблению тематик, даже внутри одной специальности.

Публичные же защиты – фактор, противодействующий этому и возвращающий нас к человеческому общению. Вывод отсюда следующий – публичные защиты пусть не единственный, но хотя бы один полезный положительный фактор. Поэтому необходимо сохранение диссертационных советов и, таким образом, нынешних основ квалификационной системы.

Согласны ли Вы с пессимистическим суждением о том, что аспирантская тема, которая должна быть обязательно выполнена и выполнена за относительно короткий срок, не может содержать существенной новизны? А ведь наука в МГУ и других вузах делается, в значительной мере, руками аспирантов.

Для химии такая формулировка и такое опасение понятно, но разделов в естественных науках много. И различия в продолжительности и аппаратурном развитии работ колоссальны. Например, физики в Дубне или, например, астрофизики вообще, не поймут, о чём этот вопрос. В химии сейчас, действительно, сильна тенденция к мелкотемью, к работам, где почти нет новизны. Всё оказывается заваленным гигантским **новым, но неоригинальным** фактическим материалом, обложенным к тому же необоснованным и неоправданным объёмом физико-химических характеристик. После защит таких работ у меня почти всегда возникает вопрос, а способен ли новый остепенённый коллега к реальной, креативной деятельности.

Нуждается ли, по Вашему мнению, в совершенствовании процедура защит диссертаций?

Можно сказать следующее: совершенствование деятельности любой научной структуры, в том числе и аттестационной, то есть защит дипломных работ, кандидатских и докторских диссертаций, конечно, должно корректироваться. Во-первых, я лично абсолютно не верю в положительные эффекты любых революционных изменений. Число отрицательных последствий таких изменений проявляется не сразу, но почти всегда их чрезвычайно много, а в период самих изменений они не видны, и никто о них не думает. Это первый ключевой тезис. Второе. Изменения должны быть постепенными, а при их проведении очень

важно понимать, чего мы хотим от защиты диссертации в той или иной форме: должна ли она быть чисто квалификационной процедурой или ей необходимо так или иначе нести в себе расширение кругозора как у членов диссертационного совета, так и у самих диссертантов, их руководителей и коллег по тематике.

О процедуре защит диссертаций. Процедура защит диссертаций и по старой, ВАКовской схеме, и во вновь организованных советах при вузах обросла чудовищным количеством формальных позиций, которые должны быть выполнены самим соискателем, его руководителем, ведущей организацией, оппонентами. Председатель и секретарь совета должны всё выверить до последнего слова, а все члены совета своим голосованием должны подтвердить, что все это слышали. И всё это сопровождается чудовищным количеством подписей и регулируется жёсткими временными рамками. К реальной науке из всех этих бумаг и требований относится, пожалуй, только 15–20 %, остальное – бюрократический мусор. Бюрократический мусор проникает сейчас даже во все авторефераты. Почитайте первые 3–4 страницы любого автореферата и вы увидите, что 60–70 % того, что там написано, следует выбросить без всякого вреда для смысла работы. Диссертационные советы должны быть приравнены к суду присяжных и им следует отвечать на один вопрос – есть ли в предлагаемом материале научная новизна и научные достижения и достаточна ли квалификация соискателя. Это должно быть не основной, а единственной функцией диссертационного совета. Как я понимаю, хотя я не юрист, решение суда присяжных не оспаривается и является истиной независимо от всех других обстоятельств. Кто и как должен осуществлять этот баланс, мне неизвестно. Пирамида должна быть перевернута. А иначе получается по Жванецкому: «Мы живём в такое время, когда авангард находится сзади».

Каково Ваше отношение к передаче функций ВАКа вузам и НИИ?

Никаких весомых аргументов в пользу передачи аттестационных функций Высшей Аттестационной Комиссии диссертационным советам вузов и НИИ я не обнаружил. Обе формы приемлемы, но зачем

городить новации и разнообразие, мне совершенно непонятно. У нас в стране десятилетиями выработалась своя ВАКовская форма аттестации, успешно оправдавшая себя. В отношении естественных наук эта система ничем себя не дискредитировала.

Как Вы относитесь к системе защиты диссертаций, принятой в СПбГУ и во многих зарубежных странах, когда нет постоянно действующих диссертационных советов, а под каждую диссертацию отдельно создаётся небольшое жюри, включающее 6-7 специалистов по данной работе?

Потребность в повышении эффективности научных исследований в области естественных наук и в совершенствовании процедур и бюрократических структур, обеспечивающих функционирование науки, очевидна и, безусловно, отвечает интересам развития страны. В целом, это крупная единая стратегическая установка. Если на этом фоне речь заходит о корректировке именно системы аттестации, то надо понимать, что мы тем самым, конечно, вмешиваемся в процесс научных исследований, но где-то в его середине, так как требования к конструкции и содержанию диссертации, конечно, начинают оказывать влияние на режим развития исследований соискателя. Именно с того момента, когда он сам себя причисляет к категории соискателя. Однако понятно, что корректировка только аттестационной системы ни в малейшей степени не затрагивает базовые проблемы функционирования нашей науки. Эти базовые проблемы известны, к сожалению, они серьёзны, очень долговременны и их положительное решение пока, в обозримом будущем, не предвидится. Обозначить и перечислить их можно, но обсуждать, по моему мнению, совершенно бессмысленно.

Теперь конкретно об аттестационной системе. Конечно, разумную корректировку проводить необходимо. Я прекрасно понимаю, что сколько людей, столько и мнений. Поэтому самое большое, на что можно рассчитывать лично для себя, это быть услышанным и понятым. И пусть хоть какой-то тезис из сформулированных мной пригодится и окажется востребованным. Первое и главное моё убеждение состоит в том, что совершенно бессмысленны революционные преобразования.

Плоха или хороша нынешняя аттестационная система, но она доказала свою жизнеспособность, и наше научное сообщество к ней хорошо приспособилось и не отвергает её. Долгий процесс привёл нас к нынешней ситуации. И, по моему мнению, только процесс, но не одновременный акт может скорректировать её в выбранном положительном направлении. Уверен, что переход на систему защит, основанную на мнении 6-7 специалистов, назначаемых тем или иным советом, не подходит для нашей страны. Не то чтобы он был вообще неприемлем. Но с учётом широкого диапазона качества научных исследований, выполняемых в различных организациях, не одинакового уровня диссертационных советов, можно ожидать, что переход на систему 6-7 экспертов неизбежно приведёт к снижению планки защищаемых диссертаций. Затем очень быстро (и мы сами не заметим этого), возникнет ещё один канал снижения уровня исследований. Никто и никогда не убедит меня в обратном. Как говорится, «благими намерениями...».

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ М.Я. МЕЛЬНИКОВЫМ

Михаил Яковлевич, Вы хорошо известны не только как высоко профессиональный физикохимик, но и как активный член диссертационных советов в МГУ и ИХФ. Не могли бы Вы приблизительно оценить число диссертаций, в экспертизе которых как член совета Вы принимали участие за почти сорокалетний период?

Впервые я был приглашен в состав диссертационного совета Д 501.001.90 осенью 1984 года, в котором работал до весны 2017 года, после чего продолжаю работу в его «правоприемнике» – диссертационном совете МГУ Д 02.04 по настоящее время. Кроме того, с осени 2006 года я являюсь членом диссертационного совета Д 002.012.02 в институте химической физики им. Н.Н. Семенова РАН (ныне ФИЦ Химическая физика им. Н.Н. Семенова РАН), а также с октября 2010 по август 2017 года диссертационного совета Д 501.001.59 в МГУ. К работе в этих советах я привлекался по специальностям 02.00.09 – Химия высоких энергий, 02.00.15 – Химическая кинетика и катализ, 02.00.04 – Физическая химия. За это время при моём участии на этих советах было защищено около 900 диссертационных работ.

Какую оценку по пятибалльной системе Вы можете поставить среднестатистической кандидатской диссертации? Сколько примерно диссертаций было отклонено советом?

Думаю, что твёрдую четверку. Количество, безусловно, сильных и относительно слабых работ примерно равно и колеблется в районе 15–20 %. Я не могу вспомнить, сколько всего работ было отклонено при защите (здесь нужно иметь в виду, что практически все работы, попадающие для защиты в совет, проходят достаточно серьёзную предварительную апробацию) на заседаниях советов. Могу только с абсолютной точностью сказать, что я за эти годы выступал на заседаниях советов против присуждения учёной степени шесть раз и в четырёх случаях из них члены совета при голосовании соглашались с высказанной мною точкой зрения. Хочу обратить внимание ещё на один аспект голосования на диссертационных советах, связанный с так называемыми «воздержавшимися» или проголосовавшими «против» без публичной фиксации своей позиции. Считаю и то и другое опасным проявлением эрозии профессиональной этики.

Существенны ли отличия между диссертациями, защищаемыми на Химическом факультете и в Институте химической физики?

Принципиальных отличий не вижу. Наверное, на химическом факультете руководитель работы, как правило, в большей степени уделяет внимание диссертанту, выполнению и защите работы на всех этапах этого процесса.

Как Вы относитесь к довольно-таки широко распространённой точке зрения: защита кандидатской диссертации – формальный акт, содержательное обсуждение и дискуссии должны происходить на предзащите?

Защиту кандидатской диссертации нельзя отнести к чисто формальному акту и противопоставлять предзащите. Во-первых, в составе совета всегда есть специалисты в конкретной предметной области рассматриваемой работы, что обеспечивает профессиональный уровень рассмотрения её результатов, дополняющий процедуру предзащиты. Во-вторых, и это очень важно, в составе совета присутствует большое

количество «широких» специалистов, способных обсудить и оценить межпредметные связи выполненного исследования, понимание диссертантом этого фактора и т. п.

Согласны ли Вы с пессимистическим суждением о том, что аспирантская тема, которая должна быть обязательно выполнена и выполнена за относительно короткий срок, не может содержать существенной новизны? А ведь наука в МГУ и других вузах делается, в значительной мере, руками аспирантов.

Ключевое в данном вопросе – чёткое определение понятия «существенная новизна», которое, с моей точки зрения, очень трудно дать. Факт признания научной новизны того или иного выполненного исследования является продуктом экспертной оценки разного уровня (масштаб, выборка экспертов и т. п.), в том числе и со стороны диссертационного совета. Если отказаться от этого подхода, то достижение научной новизны исследования превращается в бесконечный поиск абсолютной истины.

Нуждается ли, по Вашему мнению, в совершенствовании процедура защит диссертаций?

Безусловно!

Физическая химия охватывает существенно более широкий круг объектов и явлений, чем, например, неорганическая. Понятно, что немного найдётся специалистов, которые бы одинаково хорошо ориентировались одновременно во всех разделах физической химии. Не целесообразно ли, по Вашему мнению, разделить специальность 02.00.04 на несколько более частных специальностей (что отчасти уже реализовано)?

Этот вопрос переключается с предыдущим и некоторыми последующими. С моей точки зрения, совет должен иметь «сотовое» строение (в СПбГУ это называют созданием жюри). Внутри каждого жюри собраны представители конкретной предметной области, входящей в сферу интересов физической химии (например, отвечающих старому списку ВАКовских специальностей. Новый список, с моей точки зрения, существенно хуже и его не нужно брать за основу). При представлении диссертации по той или иной специальности в совет должно

проводиться формирование его состава для данной конкретной защиты с обязательным участием членов совета по профилю диссертации и добровольным членством иных входящих в совет специалистов в области физической химии (вопрос об учёте голосов «профильных» и «непрофильных» участников заседания является техническим и может быть легко решён).

Во многих действующих диссертационных советах представлено несколько не близких друг к другу специальностей (пример: нефтехимия, медицинская химия, экология). Влияет ли, с Вашей точки зрения, такая широта на качество аттестации диссертантов? Каким, по Вашему мнению, должен быть набор специальностей в диссодвете?

Важно иметь в составе совета достаточное количество «широких» специалистов, способных обсудить и оценить межпредметные связи выполненного исследования, понимание диссертантом этого фактора и т. п. Названные специальности имеют много общего: нефтехимия и экология, медицинская химия в части тонкого органического синтеза и экология, хотя, с моей точки зрения, все эти объединения – следствие ошибочно установленного лимита на количество советов, имеющих право на жизнь в МГУ. В университете должны работать советы по всем специальностям, по которым осуществляется приём в аспирантуру, независимо от их загрузки защитами, поскольку только это обеспечивает выполнение университетом своих обязательств по подготовке специалистов высшей квалификации. Да и срок жизни совета до очередного переутверждения должен возрасти хотя бы до пяти лет, а не превращаться в ежегодную или увеличенную до двух лет процедуру переутверждения, занимающую 3-4 месяца.

Каково Ваше отношение к передаче функций ВАКа вузам и НИИ?

Неоднозначно. Пока это касалось двух университетов, это было привилегией, когда же стало касаться многих десятков ВУЗов и НИИ, то стало буднями с постоянными «испуганными» оглядками на министерство, почти такой же бюрократией и неизбежным размыванием критериев.

Как Вы относитесь к системе защиты диссертаций, принятой в СПбГУ и во многих зарубежных странах, когда нет постоянно действующих диссертационных советов, а под каждую диссертацию отдельно создаётся небольшое жюри, включающее 6-7 специалистов по данной работе?

Положительно. Единственное, чем я бы дополнил эту схему – созданием в пределах разумного временного отрезка постоянного пула специалистов, которые и являлись бы членами расширенного совета, из числа которых происходило бы формирование жюри для защиты конкретной работы.

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ Л.Н. СИДОРОВЫМ

Лев Николаевич, не могли бы Вы приблизительно оценить число диссертаций, в экспертизе которых вы принимали участие?

Если под экспертизой понимать присутствие на Совете и голосование, то оценка приводит к цифре 100–200 за 10 лет.

Какую оценку по пятибалльной системе Вы можете поставить среднестатистической кандидатской диссертации? Сколько примерно диссертаций было отклонено советом?

Кроме отметки «Хорошо» здесь ничего не придумаешь. На моей памяти было отклонено три диссертации. Отклонение диссертаций в основном идёт на предзащите в лабораториях.

Существенны ли, по Вашему мнению, отличия между диссертациями, защищаемыми на Химическом факультете и в институтах РАН?

Существенных отличий я не вижу.

Как Вы относитесь к довольно-таки широко распространённой точке зрения: защита кандидатской диссертации – формальный акт, содержательное обсуждение и дискуссии должны происходить на предзащите?

Разделяю эту точку зрения.

Согласны ли Вы с пессимистическим суждением о том, что аспирантская тема, которая должна быть обязательно выполнена

и выполнена за относительно короткий срок, не может содержать существенной новизны? А ведь наука в МГУ и других ВУЗах делается, в значительной мере, руками аспирантов.

Не согласен. Плохой вопрос. Новизна появляется при работе в точке роста, т. е. определяется тематикой работы, а не отведёнными часами.

Нуждается ли, по Вашему мнению, в совершенствовании процедура защит диссертаций?

Да. Нуждается и успешно реализована в СПбГУ и во многих зарубежных странах, когда нет постоянно действующих диссертационных советов, а под каждую диссертацию отдельно создаётся небольшое жюри, включающее 6-7 специалистов поданной работе, которые и выносят решение. Если сохранять постоянно действующие советы, то число возможных преобразований в них не ограничено и каждое может быть обосновано. Поэтому мне трудно сделать выбор, и я воздерживаюсь от ответа на эти вопросы.

Каково Ваше отношение к передаче функций ВАКа вузам и НИИ?

В настоящее время ВАК не нужен. Достаточно в дипломе доктора (кандидата) наук указать дату защиты, учёный совет, фамилии и звания оппонентов.

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ Ю.А. УСТЫНЮКОМ

Юрий Александрович, Вы хорошо известны не только как высоко профессиональный химик-органик и физикохимик, но и как активный член диссертационных советов в МГУ и ИНЭОСе. Не могли бы Вы приблизительно оценить число диссертаций, в экспертизе которых как член совета Вы принимали участие за почти полувековой период?

Я защищал докторскую диссертацию по двум специальностям 02.004 (физическая химия) и 02.008 (химия элементоорганических соединений), но получил звание профессора по органической химии (специальность 02.003), поскольку более 20 лет читал полный курс органической химии на Химическом факультете МГУ для

специализированной физико-химической группы. Поэтому в нескольких диссертационных советах в разное время я был членом по одной или двум из этих специальностей на Химическом факультете МГУ, в ИНЭОС, в МИТХТ им. М.В. Ломоносова, в РУДН, в РХТУ им. Д.И. Менделеева. В настоящее время я состою членом диссертационного совета только на кафедре органической химии Химического факультета МГУ. Я также несколько раз выступал в качестве приглашенного члена диссертационных жюри при защитах Ph.D-диссертаций в университетах Германии (Марбург), Швейцарии (Цюрих), США (Дулут), Франции (Ренн). Число защит диссертаций, в которых я принимал участие, оценить весьма трудно. Думаю, что это где-то сильно за 300. Кроме того, я оппонировал примерно 50 кандидатских и около 30 докторских диссертаций по трём специальностям в самых разных советах в разных вузах и городах (Москва, Санкт-Петербург, Казань, Новосибирск, Иркутск, Владивосток, Баку, Ташкент, Минск, Таллин, Ростов-на-Дону, Тула, Уфа, Черноголовка). Несколько лет я входил в экспертный совет ВАК и около десятка диссертаций получил на рецензию из него.

Какую оценку по пятибалльной системе Вы можете поставить среднестатистической кандидатской диссертации? Сколько примерно диссертаций было отклонено советом?

Такая формулировка вопроса не вполне корректна, если сравнивать разные советы по разным специальностям. Оценки тут будут, по всей видимости, сильно различаться. Если же выделить группу советов ведущих научных центров, таких как МГУ, Новосибирский, Казанский, Петербургский университеты, ИНЭОС, ИОХ им. Н.Д. Зелинского, ИХФ, институты в Черноголовке, которые мне хорошо знакомы (я много раз давал отзывы на авторефераты диссертаций, которые в них защищались), то уровень защит в них достаточно высокий. В этих советах подавляющему большинству положительно оцененных диссертаций можно поставить балл ≥ 4 .

За всё время моей работы в советах на химфаке МГУ и в ИНЭОСе было отклонено две кандидатские и две докторские

диссертации. Сам я голосовал против присуждения учёной степени соискателям не более 15 раз. Слабые работы эти советы не принимают. Они отсеиваются на этапах предварительного прослушивания в лабораториях, на научных семинарах и т. д. Авторитетный учёный не возьмётся оппонировать работу без предварительного знакомства с её содержанием и откажется от работы сомнительного качества. Лично я 12 раз отказывался оппонировать такие работы, даже выполненные под руководством моих близких друзей. В 11 случаях я рекомендовал доработать диссертацию. При этом в 6 случаях требовалась только доработка текста с серьёзной коррекцией обсуждения результатов. В остальных случаях я рекомендовал провести дополнительные экспериментальные исследования. Одна из работ была мной отвергнута, поскольку из-за плохого знания литературы в новой для себя области руководитель соискателя пропустил серию работ японских авторов по спектроскопии ЯМР квадрупольных ядер, в которых задача, поставленная им соискателю, была решена на 5 лет раньше. В девяти из одиннадцати случаев, упомянутых выше, мои рекомендации были приняты во внимание. Защиты были отложены, диссертации доработаны. Я оппонировал 6 из этих работ, и они были успешно защищены. Две работы, по которым моё мнение было отрицательным, всё же были вынесены на защиту. Одна из них была отвергнута диссертационным советом. Вторая прошла с большим количеством голосовавших против и воздержавшихся. Положительное решение совета не утвердил ВАК.

Существенны ли отличия между диссертациями, защищаемыми на Химическом факультете и в ИНЭОСе?

В советах МГУ и ИНЭОСа требования к диссертациям на степень кандидата и доктора химических наук практически идентичны.

Как Вы относитесь к довольно-таки широко распространённой точке зрения: защита кандидатской диссертации – формальный акт, содержательное обсуждение и дискуссии должны происходить на предзащите?

Безусловно, это формальный акт, но акт исключительно важный и полезный. Научное сообщество выдаёт «сертификат соответствия»

своему новому члену, который должен публично продемонстрировать свою квалификацию в свободной научной дискуссии. Это никак не меняет необходимости «тщательной обкатки» работы на предварительных этапах. Больше того, иногда на совете, где сидят эксперты, высказываются в адрес соискателя рекомендации и пожелания, которые могут оказать существенное влияние на его дальнейшую научную карьеру. Чаще всего такие советы дают оппоненты. Одним из моих оппонентов по докторской диссертации был выдающийся эстонский физик Эндель Липпмаа, один из ведущих в мире специалистов по спектроскопии ЯМР тяжёлых ядер. После успешного окончания моей защиты он вручил мне тетрадь (22 страницы) с детальным разбором моей работы. Он обнаружил в ней 86 опечаток (на 570 страницах), десяток серьёзных огрехов (три из них содержал его официальный отзыв) и указал на два направления возможного дальнейшего развития исследований в области динамического ЯМР. Я потратил больше полугода для того, чтобы изучить всю рекомендованную им в этих заметках литературу, подготовил и послал ему развернутые ответы на все замечания. В свою очередь я изложил свои соображения по тем вопросам, которые в его заметках казались мне спорными. Он тут же прислал мне в ответ своё видение затронутых проблем. Это положило начало нашему последующему многолетнему сотрудничеству и дружбе. Мы стали часто обмениваться в письмах набросками научных работ до их публикации, делиться последними новостями и планами. Должен честно признаться, что под его влиянием я сильно изменил своё отношение к науке, да и к жизни в целом.

Согласны ли Вы с пессимистическим суждением о том, что аспирантская тема, которая должна быть обязательно выполнена и выполнена за относительно короткий срок, не может содержать существенной новизны? А ведь наука в МГУ и других вуз делается, в значительной мере, руками аспирантов.

С этим суждением я никак не могу согласиться. Мне повезло присутствовать на нескольких защитах, когда на советах обсуждался вопрос о возможности присуждения соискателю сразу докторской

степени. Слава Богу, не перевелись ещё у нас талантливые молодые люди. Среди моих аспирантов было четверо таких, общаясь и работая с которыми я получал больше новых знаний, чем они могли почерпнуть из общения со мной. Безусловно, самый яркий пример – Дмитрий Николаевич Лайков, создатель квантово-химической программы ПРИРОДА. Он защищал кандидатскую диссертацию на степень кандидата физико-математических наук на диссертационном совете кафедры физической химии. После доклада Лайкову было задано более двух десятков вопросов о новых методических решениях, использованных им в созданной им программе, которая по своей эффективности в то время существенно превосходила всем известный Гауссиан. Дима подробно отвечал каждому, заканчивая большинство ответов так: «Да, этот совет очень ценен. Я уже решил эту задачу, но несколько иначе (далее следовало изложение решения). Но это уже не вошло в диссертацию». Ответы на вопросы заняли больше часа. Оппоненты в оценке работы были единогласны – она по объёму и качеству превосходит все другие работы, которые им доводилось оппонировать. Это же отмечалось в нескольких выступлениях членов совета. Председатель совета профессор В.П. Спиридонов после этого сказал, что за всё время работы совета такой защиты ещё не было, и предложил обсудить вопрос о присуждении Лайкову докторской степени сразу. С решительными возражениями выступил Лайков, мотивировавший свою просьбу не делать этого, поскольку это приведёт «к такой волоките...», а ему дорого время для работы.

Нуждается ли, по Вашему мнению, в совершенствовании процедура защит диссертаций?

Всякая процедура нуждается в совершенствовании, но нельзя менять её непрерывно. В последние годы было внесено много изменений, которые я оцениваю в целом положительно. Я думаю, что должно пройти достаточно времени (5-6 лет) для того, чтобы освоить все эти нововведения, накопить опыт и только после этого думать о новых изменениях.

Во многих действующих диссертационных советах представлено несколько не близких друг к другу специальностей (пример: нефтехимия, медицинская химия, экология). Влияет ли, с Вашей точки зрения, такая широта на качество аттестации диссертантов? Каким, по Вашему мнению, должен быть набор специальностей в диссодвете?

Современные исследования высокого уровня в химии всё больше приобретают междисциплинарный характер. Поэтому сочетание нескольких близких по профилю специальностей в одном диссодвете – явление времени. Мы это видим по тем работам, которые защищаются и у нас на Химическом факультете, да и в других советах. У меня не вызывает протеста сочетание «органическая химия, элементоорганическая химия и нефтехимия», или «биохимия, медицинская химия». Сочетание «экология и медицинская химия» уже режет слух. Мне думается, что таких сочетаний нужно избегать. Если же появляется хорошая работа на границе далеко лежащих друг от друга дисциплин, то стоит использовать стандартную возможность – ввести в состав совета специалистов по одной из них, которые в совете не представлены. Мне неоднократно приходилось быть приглашённым членом, и это всегда было весьма интересно.

Каково Ваше отношение к передаче функций ВАКа вузам и НИИ?

Я всегда был против этого, в том числе против предоставления таких прав МГУ и другим ведущим университетам. В нашей стране, где разрыв в уровне исследований между разными центрами ещё очень велик, нужен общий контролирующий орган. Эта функция ВАК очень важна. Передача его функций вузам – отражение битвы амбиций руководителей вузов.

Как Вы относитесь к системе защиты диссертаций, принятой в СПбГУ и во многих зарубежных странах, когда нет постоянно действующих диссертационных советов, а под каждую диссертацию отдельно создаётся небольшое жюри, включающее 6-7 специалистов по данной работе?

Это весьма интересная система. В странах Европы и в США защищали диссертации некоторые мои студенты, которым я писал рекомендательные письма для поступления в университеты, где, как правило, работали коллеги, с которыми я сотрудничал. К ним иногда направлялись лучшие из моих дипломников. Мне приходилось участвовать в процедурах их защит. Главное различие с нашей системой состоит в том, что это не столько доклад по результатам научных исследований соискателя (это лишь один из трёх вопросов, которые перед ним ставят экзаменаторы), сколько настоящий экзамен по всем дисциплинам, которые соискатель прослушал в программе своей подготовки. Например, в Цюрихе моей бывшей студентке, которая защищала работу по химии гепталенов (типичная органическая химия), выполненной под руководством профессора Хансена, член жюри известный профессор Хайнц Берке, курс которого по координационной химии и катализу она слушала, задал вопрос о механизме Вакер-процесса и по природе химической связи в комплексах алкенов с поздними переходными металлами, я спрашивал её об изотопных химических сдвигах на ядрах ^{13}C и эффектах химической поляризации ядер, а профессор Филлипсборн – о том, какие базисы используются в квантово-химических расчётах органических молекул. Она очень чётко ответила Берке, замечательно ответила мне, поскольку эти сдвиги в дейтерированных гепталенах использовала при отнесении сигналов в их спектрах, слегка «поплыла» на базисах, но зато потом быстро и чётко ответила на 4 вопроса двух других химиков-органиков по сути своей работы. Доклада по этой работе она не делала, поскольку все члены жюри заранее познакомились с ней по типографском тексту (112 страниц). Я думаю, что при подготовке докторов (Ph.D) за рубежом гораздо больше времени уделяется учёбе и освоению смежных дисциплин. Их выпускники аспирантуры отличаются большей широтой знаний, чем наши. Для того чтобы требовать от наших аспирантов такого же уровня, необходимо создать им сходные условия работы. Там нет необходимости органику синтезировать исходные соединения, которые можно купить. Они будут куплены профессором и доставлены не позже, чем через неделю

(обычно – за два-три дня). Нет необходимости очищать и готовить для работы растворители. Это налаженная служба. В достатке любое лабораторное стекло и мелкое оборудование. Им доступны многие сложные приборы для самостоятельной работы. Нет никакой проблемы с измерением любых спектров. Сдай образец вечером – получишь спектр утром. Доступ к полнотекстовым журналам и другим источникам информации не ограничен ничем. Пока о таких условиях мы даже мечтать не можем. Посмотрим на опыт СПбГУ. А пока, на мой взгляд, лучше придерживаться нашей традиционной системы.